

В «Русском биографическом словаре» 1905 года издания русскому писателю Михаилу Ивановичу Орфанову отводится всего лишь двадцать две строки текста и восемь строк примечаний*.

Литературная известность пришла к М. И. Орфанову еще при жизни. Российские читатели узнали и полюбили Михаила Орфанова после публикации цикла его рассказов о сибирской жизни: «Из недавнего прошлого. Очерки Забайкалья», «Из сибирской службы», «Из писем каторжного», «Отрывки из дневника бывалого человека», «Сибирские колонизаторы», «Нечто о тюрьмах в России», «Среди «семейских» и «бурят», «В тайге», «Вояж сибирского купца», «Пасха в остроге», «Сменился», «Не наши» и других.

Их печатали такие популярные издания, как «Отечественные записки», «Русская мысль», «Русский курьер», «Русские ведомости», «Восточное обозрение», «Сибирская газета», «Забайкальские областные ведомости».

В 1883 году в Москве отдельным изданием выходила книга рассказов Михаила Орфанова «В дали: (Из прошлого): Рассказы из вольной и невольной жизни». Книга состоит из двух частей: «Жизнь и служба в Восточной Сибири» и «Тюрьма и каторга».

В ней опубликованы рассказы писателя о тюрьмах Нерчинской каторги, каторжанах и вольных рабочих, их тяжелом труде. Именно об этой книге Орфанова известный исследователь новейшей русской литературы второй половины XIX века, историк литературы Е. С. Некрасова (1847–1905) писала, что «она читается с начала до конца с неослабным интересом, в особенности вторая часть, где почти все ново и где автор дает возможность читателю заглянуть в скрытую и далекую от него жизнь каторжников». И далее: «Автор изображенною на обертке виньеткой как бы приглашает читателя заглянуть в окно, на котором поставлена для «несчастных» кринка с молоком и хлебом... Вдали виднеется столбовая дорога: она ведет в иной, мало знакомый, мир...»

Книга не сразу увидела свет. Российские власти препятствовали ее изданию. В частности, Московский цензурный комитет приостановил выход книги «В дали». Весь отпечатанный тираж был арестован и опечатан непосредственно в типографии. Правда, через три недели публикация все же была разрешена специальным распоряжением Министерства внутренних дел. Впоследствии книга была включена в «Список изданий, запрещенных для публичных библиотек и общественных чи-

* *Русский биографический словарь (Обезьянинов — Очкин) — СПб., 1905. — С. 376.*

тален». Возможно, поэтому немногие российские библиотеки сохранили до наших дней главную книгу писателя.

В фонде Ставропольской краевой универсальной научной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова этой книги, к сожалению, нет.

Литературные критики XIX века называли Михаила Орфанова «талантливым бытописателем страны изгнания и ссылки». Тем не менее интерес отечественного литературоведения к жизни и творчеству Михаила Орфанова очень ограничен. Сведения о нем и его творчестве читатели черпают в основном из скудных словарных статей. Сегодня имя русского писателя Михаила Орфанова, его рассказы и очерки из сибирской жизни практически неизвестны читателям. Биографические сведения о писателе тоже чрезвычайно скудны.

Родился Михаил Иванович Орфанов одиннадцатого (двадцать третьего) января 1848 года в станице Темнолесской, близ Ставрополя. Авторы некоторых публикаций утверждают, что писатель якобы родился в Пятигорске, но этот факт вызывает сомнение, так как отец писателя Иван Иванович Орфанов с тринадцатого марта по пятое декабря 1847 года служил в Темнолесском военном госпитале. Младшим врачом на Кавказские Минеральные Воды он назначен шестого декабря 1847 года. Приступил к исполнению должностных обязанностей восемнадцатого апреля 1848 года. Родом Михаил Орфанов из дворянского сословия.

I

В том же «Русском биографическом словаре» 1905 года издания штаб-лекарю Ивану Ивановичу Орфанову, отцу русского писателя М. И. Орфанова, отводится всего двадцать строк текста и две строки примечаний.

Отец писателя И. И. Орфанов (1810–1876) происходил из старинного рода. Предки его из Владимирской губернии. И сегодня во Владимире, Нижнем Новгороде фамилия Орфанов довольно распространенная. В Нижнем Новгороде ежегодно проходят Орфановские чтения. Посвящены они, правда, памяти Ивана Ивановича Орфанова, профессора, заведующего кафедрой экономической и социальной географии Нижегородского государственного педагогического университета — продолжателя рода Орфановых.

Первоначальное образование И. И. Орфанов получил в местном духовном училище. Его отец, дед писателя, Иван Орфанов был священником. Первого декабря 1831 года двадцатиоднолетний Иван Иванович поступил в Московскую медико-хирургическую академию, которая имела славную историю. Студентами академии были выпускники Рязанской, Владимирской, Ярославской и других семинарий, владевшие латинским языком. Знание латинского было обязательным при поступлении в академию. С 1809 по 1832 год академия выпустила девятьсот семьдесят два врача. Среди известных выпускников академии хирург и анатом Илья Буяльский, профессор-акушер Г. И. Кораблев, врач М. А. Достоевский (отец писателя Ф. М. Достоевского), декабрист Фердинанд Вольф, профессор-терапевт И. Е. Дьяковский, биолог К. Ф. Рулье, профессор Л. П. Алферьев... Курс академии был рассчитан на четыре года, пятый отводился практическим работам в госпитале. Выпускники, в том числе и И. И. Орфанов, который полностью завершил образование после сдачи экзамена четвертого августа 1836 года, получали звание лекаря 2-го отделения. Чтобы получить звание младшего врача «с полным правом свободной практики», необходим был годовой стаж работы в военном госпитале.

С маршевыми батальонами Орфанова направили служить по военному ведомству на Кавказ, где в то время шла война с горцами: двадцать первого

сентября 1836 года И. И. Орфанова направили в Кавказский отдельный корпус. С девятого января 1837 года И. И. Орфанов служил ординатором в Ольгинском военном временном госпитале, расположенном западнее Екатеринодара. Он был создан «для оказания медицинской помощи и лечения раненых и больных на театре военных действий».

Освоение Россией земель Северного Кавказа сопровождалось затянувшейся Кавказской войной. Несмотря на Адрианопольский мирный договор с Турцией 1829 года, России по-прежнему не удавалось установить полный контроль над западной частью Кавказа. Командование русскими войсками стремилось в первую очередь изолировать горцев от всевозможной им помощи со стороны Турции и ее союзников. С этой целью, согласно указу императора России от восемнадцатого февраля 1831 года, и создавались военные укрепления Черноморской береговой линии. Исполнением плана расположения военных крепостей, утвержденного императором, занимался непосредственно командующий войсками на Кавказской линии, в Черномории и в Астрахани генерал-лейтенант Алексей Александрович Вельяминов (1785–1838), штаб и квартира которого находились в Ставрополе. В плане была и организация временных, но не полевых, с прочными помещениями, военных госпиталей при Абинском, Апшеронском, Ольгинском укрепрайонах. Последнему и был подчинен Иван Иванович Орфанов.

Но прослужил он здесь недолго: с девятого февраля 1837 года Орфанов находился в Ставрополе и служил в военном госпитале. Примерно через год, седьмого апреля 1838 года, он прибыл в Анапу. В Анапском военном госпитале прослужил более семи лет. За «беспорочную службу» в 1843 году был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени, а в 1844 году — орденом Св. Анны 3-й степени. Высоких наград Орфанов был удостоен за работу в Анапском военном госпитале, после службы в котором начался его стремительный взлет по служебной лестнице. С четвертого июля 1845 года Орфанов — старший ординатор Пятигорского военного госпиталя. В апреле 1846 года он сдал экзамен в Харьковском университете на штаб-лекаря. Двадцать третьего февраля 1847 года ему присваивается чин коллежского асессора по табели о рангах.

Несколько месяцев, с тринадцатого марта по шестого декабря 1847 года, Орфанов прослужил в Темнолесском военном госпитале при Темнолесской крепости, которая располагалась на горе Стрижамент — наивысшей точке Ставропольской возвышенности. Крепость состояла из двадцати четырех казенных разного рода строений. В 1845 году, то есть за три года до рождения старшего сына Михаила Орфанова, в крепости под командованием трех обер-офицеров несли постоянную службу двадцать пять унтер-офицеров, два барабанщика и двести пятьдесят рядовых. Это была так называемая инвалидная команда. Она была учреждена третьего марта 1845 года именным указом Николая I и объявлена приказом Военного министра. В инвалидную команду Темнолесской крепости собрали раненых, увечных из ближайших войск отдельного Кавказского корпуса. Подчинялась инвалидная команда непосредственно командиру Кавказского линейного батальона № 1.

Внизу, у подножья горы Стрижамент, по руслу Егорлыка располагалась станица Темнолесская. Из архивных источников известно, что основана она в 1794 году одновременно с другими станицами — Воровсколесской, Прочноокопской, Темижбекской, Григорополисской, Кавказской. Темнолесские казаки несли службу как на Кубани, так и на постах, расположенных вблизи станицы: Темнолесском, Бабском, Извещательном, в руде Недреманном. Созданная для охраны присоединенных земель станица не утратила свои оборонительные функции и во время службы на Кавказе лекаря Орфанова. В 1844 году в станице находился резерв из сорока вооруженных казаков, который всегда был готов отразить внезапное нападение горцев.

Жизнь лекаря Орфанова проходила в крепости, охраняемой солдатами, в обстановке их рассказов о таинственных разбойниках, ссыльных каторжниках, бунтарях, походах и приключениях военных, набегах горцев на станицу.

Однажды Орфанов услышал рассказ о том, как восемь черкесов пробрались берегом речки Янкуль в Янкульскую долину, где ходили табуны станицы Темнолесской. Черкесы выскочили из оврага и, отхватив косяк в шестьдесят лошадей, погнали его в сторону Кавказских гор. Но урядник Косякин, стоявший с казаками в укрытии табуна, не растерялся, тотчас же послал одного казака в станицу за помощью, а сам и еще пятеро казаков с ним бросился в погоню. И прежде чем из станицы и с ближнего поста, услышавшего выстрелы, прискакали резервисты, дело было кончено. Косякин возвратился домой с отбитым горцами табуном.

Жизнь И. И. Орфанова в крепости проходила однообразно: построения, разводы, утренний чай, осмотр больных, завтрак, лечебные назначения. Но походы в лес, где росли огромные деревья, достигавшие толщины в несколько обхватов, бьющие из скал родники, ручьи, сбегаящие с восточных и северо-восточных склонов Стрижаменты в долину, — все это скрашивало будни. Местность вокруг Темнолесской крепости, как отмечал уроженец станицы Темижбекской, впоследствии отставной генерал-майор русской армии, историк Кубанского казачьего войска Василий Григорьевич Толстов: «...имела вид горной страны», где «...в старину местами росли огромные дремучие леса, а по балкам и впадинам — гигантские камыши и бурьяны...»*. От темного леса, произраставшего на вершине Стрижаменты, произошло и название крепости, а затем и станицы — Темнолесская.

С восемнадцатого апреля 1848 года Иван Иванович снова в Пятигорском военном госпитале. В штатном расписании госпиталя числились начальник, главный врач, помощник, старшие ординаторы, младшие врачи, фельдшеры. Орфанов служил старшим ординатором. Пятигорский военный госпиталь подчинялся Кавказскому окружному военно-медицинскому управлению и Управлению окружного инспектора госпиталей, оба управления находились в подчинении Кавказского военного ведомства. Такова была схема военно-медицинского управления на Северном Кавказе.

Еще в Ставрополе Орфанов познакомился с девушкой Софией, дочерью провизора Ставропольского военного госпиталя титулярного советника Михаила Александровича Гагеля, будущей матерью писателя. О ней практически ничего не известно. В год знакомства с Иваном Орфановым ей было двенадцать лет. София Михайловна Гагель (Орфанова) родилась в 1825 году. Она была младше Ивана Ивановича Орфанова на пятнадцать лет. Но разница в возрасте не помешала им создать в 1847 году брачный союз. Всю свою жизнь София Михайловна посвятила семье, мужу, детям. В 1848 году у четы Орфановых родился сын Михаил. Кроме него, в семье было еще двое детей: младшие сестры Анна (1858–1936) и Софья (годы ее жизни не установлены. — *Н. Б.*).

Согласно архивному делу, хранящемуся в Государственном архиве Ставропольского края, у Ивана Ивановича и Софии Михайловны Орфановых якобы были еще дочери, Елизавета, Евгения, Мария, которые родились на Кавказе. Но почему-то в том же деле нет ни слова об Анне и Михаиле. Да и в воспоминаниях писателя Михаила Орфанова тоже нет упоминания о сестрах, якобы родившихся после него.

Их мать София Михайловна вела домашнее хозяйство, занималась воспитанием детей, учила их грамоте, готовила к поступлению в гимназию.

* *История Хоперского полка Кубанского казачьего войска (1696–1896) / сост. В. Толстов. — Тифлис, 1900.*

Приезд И. И. Орфанова на Кавказские Минеральные Воды совпал с периодом их больших преобразований. В 1844 году вместо Строительной комиссии была создана Дирекция Кавказских Минеральных Вод. Она подчинялась непосредственно наместнику Кавказа и главнокомандующему Кавказских войск графу генерал-фельдмаршалу М. С. Воронцову. И. И. Орфанов стал свидетелем и участником многих исторических событий, происходивших в те годы на Кавказских Минеральных Водах. В 1846 году на Воды приехал М. С. Воронцов, который, лично ознакомившись с положением дел, распорядился передать Бугунтинские воды в ведение Дирекции Кавказских Минеральных Вод. И с того времени они стали называться Эссентукскими. Орфанов видел, как у подножия Машука было начато строительство Михайловской галереи. В 1847 году впервые в мире в Пятигорском военном госпитале великий русский хирург Н. И. Пирогов, в присутствии Орфанова и его коллег, провел операцию с применением эфирного наркоза. В том же 1847 году в Пятигорске при большом стечении народа заложен фундамент Спасского собора, а в Санкт-Петербурге российский император Николай I утвердил «Положение об управлении Кавказскими Минеральными Водами» и назначил Дирекцию во главе с полковником Д. А. Всеволожским.

Управляющий Водами назначался из генералов и находился в прямом подчинении Кавказского наместника. В Дирекции было три части: медицинская, строительная, хозяйственная. Врачебной частью заведовал Главный врач Кавказских Минеральных Вод. В помощниках у него значились четыре врача: пятигорский, эссентукский, кисловодский и железноводский.

Столь стремительные преобразования на Кавказских Минеральных Водах побуждали И. И. Орфанова сдать в 1848 году специальный экзамен в Императорском Харьковском университете на звание штаб-лекаря. Это военно-врачебное звание войсковых врачей, существовавшее в русской армии XVIII–XIX веков, открывало перед И. И. Орфановым дорогу по служебной лестнице. Штаб-лекари входили в состав дивизий, полков и госпиталей, носили специальную военную форму. Звание считалось высоким, давалось оно только лицам с полным высшим медицинским образованием. Причем присваивалось оно медикам только после «продолжительной и беспорочной службы». Количество штаб-лекарей в армии было очень ограничено. Согласно императорскому указу 1728 года, штаб-лекарь получал ранг капитан-поручика, лекарь — подпоручика. По табелю о рангах, существовавшему в России того времени, штаб-лекарь относился к девятому классу, ему присваивался титул титулярного советника.

В должности штаб-лекаря И. И. Орфанов пробыл недолго: в 1848 году Ивана Ивановича назначили ученым секретарем медицинской комиссии при Дирекции Кавказских Минеральных Вод.

В 1850 году, согласно архивным документам, И. И. Орфанов значится первым врачом при Эссентукских водах. Известно, что тридцатого ноября 1850 года штаб-лекарь И. И. Орфанов направил рапорт в Дирекцию Кавказских Минеральных Вод о необходимости осушения местности вокруг источников. В ней он, в частности, сообщал, что «Эссентукские воды... окружены с восточной, южной и западной стороны непересыхаемым болотом, местом, где обыкновенно гнездятся гнилостные и душливые испарения, заражающие окрестный воздух до степени и силы лихорадочной миазмы»*. Он писал также и о том, что «Эссентукские щелочные ванны обстановкою коренных жизненных условий отличаются от всех прочих вод, и быт посетителей их, с одной стороны взятый, представляется белее, чем жалкий... фа-

* *Путеводитель по Кавказским Минеральным Водам: Юбилейный путеводитель. — Эссентуки: Изд-во «РОССЫ», 2005.*

ворит больной эссендукской публики — источник № 17 — дает много-много что: 100 ведер в сутки; это количество было бы достаточно для 5-6 человек купающихся, но ничего не значит, когда их 20 — 40 человек. Домохозяйева, не желая лишиться выгод, доставляемых им безостановочной поставкою воды № 17 для ванн своих доверчивых постояльцев, заменяют ее водою, набираемою в первой попавшейся луже, и при помощи брошенной в нее горсти соли выдают за № 17». В связи с этим, отмечал Орфанов, «от коих в августе и сентябре начинается повальная эпидемия лихорадки» (малярии).

Рапорт Орфанова не остался без внимания: князь М. С. Воронцов распорядился «обвести ограду места, принадлежащего минеральным водам, с внутренней ее части, живой изгородью из акации и засадить деревьями полугору против галереи». По распоряжению Дирекции Кавказских Минеральных Вод в 1851 году были прорыты многочисленные канавы, что постепенно осушило почвы. Полностью болотистые места удалось уничтожить только к 1872 году. На их месте были разбиты дорожки и цветники.

В 1852 году И. И. Орфанов опубликовал на страницах «Ставропольских губернских ведомостей» статью «Взгляд на Кавказские Минеральные Воды в настоящем их состоянии».

Не увлекаясь перечислением подробностей сделанного на Кавказских Минеральных Водах в первой половине XIX века, штаб-лекарь Орфанов обращает внимание читателей на следующее обстоятельство: «Казалось бы, что все эти заботы Правительства и значительные издержания для того, чтобы приезжающим сюда посетителям доставить при лечении сколь можно более удобств, должны восторжествовать над равнодушием и предубеждением отечественной публики к здешним водам и вызвать большинство страждущих к этим целительным струям из всевозможных уголков России; однако на самом деле мы видим, что число посетивших в последнее время здешние воды далеко не соответствует ни многолюдству, ни богатству нашего обширного отечества, тем более что наше дворянство издавна обращается к пособию иностранных минеральных вод, несмотря на неоспоримое превосходство пред многими из последних целебных вод собственного отечества».

Размышляя о будущем Кавказских Минеральных Вод, штаб-лекарь Орфанов, пожалуй, одним из первых заговорил на страницах российской периодической печати того времени о том, как преодолеть старинное и упрямое предубеждение, что «чудесное действие Кавказских минеральных вод, как и всех подобных им вод прочих стран света, на исцеление человеческих недугов, есть одна мечта, которою врачи тешат своих легковверных больных» и «что только одному западу Европы заповедано владеть такими естественными и богатыми благами жизни, и что вне его, и кроме его нет спасения на земле бедному страдалцу, когда способы и искусство медицинской науки становятся бессильными помочь ему от снедающего его патологического зла?»

Штаб-лекарь Орфанов не скрывает, что свершившиеся военные события на Кавказе для русской читающей публики — уже не тайна: между тем газеты постоянно сообщают о «благосостоянии здешнего края», о «свободном и безмятежном развитии в нем всякого рода мирных занятий между оседлыми жителями городов, станиц и селений», что дороги, ведущие на Кавказ, все еще находятся в «неудовлетворительном состоянии», что путешествие на Кавказ часто «оставляет неприятное впечатление» и что при первой же возможности правительство сделает все возможное, чтобы устранить «все ныне существующие неудобства на путях сообщения с нашими водами». Штаб-лекарь Орфанов верит, что Кавказские Минеральные Воды могут соперничать с известными западноевропейскими курортами.

Следует отметить, что в те времена это было смелое выступление. На статью обратили внимание в военно-медицинском ведомстве Санкт-Петербурга. В 1854 году

основные ее положения были опубликованы в Библиотечке «Военно-медицинского журнала», который издавался по инициативе видного деятеля военной медицины первой половины XIX века, главного военно-медицинского инспектора русской армии, президента Медико-хирургической академии Якова Васильевича Виллие.

Детство писателя Михаила Орфанова совпало с развитием курорта, освоением его лечебных возможностей, поиском методик лечения. Самое популярное слово, которое знал Миша с детских лет и которое чаще других произносилось в семье, — «нардзан». Но, похоже, беседы отца и его сослуживцев на медицинские темы, свидетелем которых был Михаил, юношу не привлекали. Впоследствии Орфанов-младший изберет другую дорогу.

В год рождения писателя произошло большое событие, которое очень обрадовало родителей Миши, как и родителей других детей — военных, чиновников, медиков. Восемнадцатого декабря 1848 года император Николай I утвердил «Положение о Кавказском учебном округе и учебных заведениях, оному подчиненных». В том же 1848 году в Пятигорске открылось трехклассное уездное училище. Находилось оно в подчинении Ставропольской дирекции Кавказского учебного округа. Принимали в него мальчиков всех сословий не моложе восьми лет. С девяти лет их отдавали на учебу в гимназию.

Но, похоже, Михаил не учился в реальном училище. Он получил домашнее образование. Родители и нанятые ими учителя подготовили его к поступлению в Первую Петербургскую гимназию, которую он окончил в 1865 году. В тот год Михаилу Орфанову исполнилось семнадцать лет, его сестре Анне было восемь, подрастала младшая сестра Софья.

Отец, Иван Иванович Орфанов, переведенный с Кавказских Минеральных Вод в Санкт-Петербург, прошел по карьерной лестнице довольно большой путь: кандидат хирургии, лекарь, штаб-лекарь, ученый секретарь медицинской комиссии, помощник Главного врача Кавказских Минеральных Вод и одновременно первый врач Ессентукских вод. Латинский — язык медицины — Орфанов-старший, как и многие врачи того времени, знал в совершенстве. С 1860 года И. И. Орфанов — столоначальник Медицинского департамента Министерства внутренних дел.

Медицинский департамент учрежден в 1834 году. За четверть века он прошел несколько ступеней преобразований: в 1841 году был учрежден Медицинский совет Министерства внутренних дел, в 1842 году — должность вице-директора медицинского департамента, в 1859 году департамент казенных врачебных заготовлений из МВД передан в Военное ведомство.

В шестидесятых годах XIX столетия И. И. Орфанов являлся членом Медицинского совета Министерства внутренних дел, исправлял должность начальника отделения военно-медицинского департамента, дослужился до чина действительного статского советника (IV класс), который соответствовал военно-морским чинам генерал-майора и контр-адмирала. Сослуживцы обращались к нему: «Ваше превосходительство». Его имя значится в справочнике «Российский медицинский список, издаваемый, по Высочайшему повелению, Медицинским департаментом Министерства внутренних дел» начиная с 1837 года. Последний раз его имя упоминается в издании «Российского медицинского списка...» на 1877 год.

В 1874 году И. И. Орфанов вышел в отставку. Умер в 1876 году и похоронен в Санкт-Петербурге.

II

Михаил Орфанов, старший сын штаб-лекаря И. И. Орфанова, вошел в историю Российского отечества как писатель. Вскоре после окончания Первой Санкт-

Петербургской гимназии он переехал в Москву. О жизни семнадцатилетнего юноши в Москве известно мало.

Самым авторитетным документом к научной биографии Михаила Орфанова, как установил исследователь из Омска В. М. Физиков, является «Дело следственной комиссии о студенте Малышеве, дворянине Михаиле Орфанове и Александре Белевиче-Станкевиче», хранящееся в Государственном архиве Российской Федерации, созданном в 1992 году на базе Центрального государственного архива Октябрьской революции (ЦГАОР). Следует добавить, что дело это хранится в 272-м фонде Следственной комиссии и Верховного уголовного суда по делу о покушении четвертого апреля 1866 года Дмитрия Каракозова на Александра II.

Итак, тридцатого апреля 1866 года московский генерал-губернатор князь В. А. Долгоруков получил распоряжение графа М. Н. Муравьева, председателя Следственной комиссии по делу Дмитрия Каракозова, произвести обыск в Москве у студента Малышева, в гостинице Кокорева, и, если окажется его связь с делом Каракозова, арестовать и уведомить столицу. Как установило следствие, бывший студент Московского университета В. С. Малышев действительно проживал в гостинице «Кокоревское подворье», построенной в начале 1860-х годов в Москве на Софийской набережной известным купцом Василием Кокоревым. Эта гостиница сохранилась до наших дней. Вместе с Малышевым в номере проживали бывший студент Московского университета А. В. Белевич-Станкевич и сын... статского советника М. И. Орфанов. Как установило следствие, Малышев и Орфанов находились в Москве всего несколько дней, они приехали из Санкт-Петербурга одиннадцатого или двенадцатого апреля 1866 года. При обыске ничего подозрительного у них не оказалось. Но на всякий случай, чтобы они не скрылись, за ними установили надзор.

В следственном деле сохранились копии показаний Михаила Орфанова и Василия Малышева. Последний писал, что в конце 1861 года он был арестован по делу «о беспорядках в Петропавловской крепости», за что его выслали на жительство в Тверскую губернию. В мае 1865 года Малышев приехал в Санкт-Петербург с целью найти работу и затем продолжить занятия юридическими науками. В городе на Неве Василий Малышев познакомился с Михаилом Орфановым. Тот, в свою очередь, познакомил Малышева со своими родителями Иваном Ивановичем и Софией Михайловной, сестрами Анной и Софьей. Молодой человек произвел на семейство Орфановых приятное впечатление, и они отпустили Михаила с Василием Малышевым в Москву, чтобы он помог подготовиться их сыну к экзаменам в университет. Сам Малышев намерен был «держать экзамен на степень кандидата».

На допросы в Следственную комиссию приглашали главным образом Василия Малышева. Следователь понял, что Михаил Орфанов «к делу Каракозова» непричастен. Двадцать шестого мая 1866 года московский обер-полицмейстер Н. У. Арапов представил донесение, из которого следует: «Все эти лица (Малышев и Орфанов. — *Н. Б.*) ведут образ жизни довольно скромный; по недостаточности средств и в видах совместных занятий приготовления к экзаменам занимают один номер; особых посетителей у них незаметно... в подозрительном и в политической неблагонадежности никто из них замечен не был».

Подозрение с Малышева и Орфанова снято, оба допущены к экзаменам. Двадцать восьмого ноября 1866 года следственное дело по Малышеву и Орфанову было завершено и отправлено шефу жандармов и начальнику Третьего отделения графу П. А. Шувалову. И хотя, в сущности, вины Михаила Орфанова не найдено, на всякий случай юношу отправили под надзор полиции по месту жительства его родителей, в Санкт-Петербург.

У отца с сыном состоялся неприятный разговор. Каково было Ивану Ивановичу Орфанову, статскому советнику, служащему Министерства внутренних дел,

начальнику отделения военно-медицинского департамента, иметь старшего сына под надзором полиции!

В том же 1866 году Михаил Орфанов поступил на юридический факультет Петербургского университета. Жизнь в столице, завидное положение отца в российском обществе, учеба в престижном университете, лекции профессорско-преподавательского состава, общение со студенческой средой — казалось бы, все располагало к тому, чтобы увлечь восемнадцатилетнего юношу к новым знаниям. Но этого не случилось. Позднее, в рассказе «Первая командировка», Михаил Орфанов напишет, что знания, которые он «вынес, прослушавши 3 курса на юридическом факультете, оказались совершенно излишним балластом». Орфанова влекла русская революционная среда. Общение с Василием Малышевым не прошло бесследно.

В исследованиях советских историков об участии молодежи в революционном движении шестидесятых — семидесятых годов XIX столетия и, в частности, в материалах о так называемой «Сморгонской академии» находим скудные сведения и о Михаиле Орфанове. Это был тщательно законспирированный революционный кружок 1867–1869 годов. Свое шутовское название «Сморгонская академия» получила от местечка Сморгонь в Белоруссии, вблизи которого цыгане дрессировали медведей. Но в «Сморгонской академии» Петербурга занимались не дрессировкой медведей. Это была одна из коммун, которые так часто устраивались радикальной молодежью в шестидесятые годы XIX столетия. Коммуна занимала маленькую комнату в доме Хрущева по Эртелевому переулку. Душой кружка был снимавший комнату Д. А. Воскресенский, бывший слушатель Петровской академии, привлеченный в июне 1866 года по делу Каракозова и просидевший восемь месяцев в Петропавловской крепости.

«Можно сказать, что в их коммуне, вокруг нее группировалась почти вся петербургская революционная молодежь того времени», — писал один из исследователей революционного подполья того времени.

Книготорговец Николай Свешников, автор популярной в свое время книги «Воспоминания пропадающего человека», писал, что членами коммуны состояли слушатели Московской земледельческой академии Алексей Сергиевский, Василий Соболев, князь Варлаам Черкезов. Все они были арестованы по делу Каракозова, приговорены к заключению в крепость. После освобождения проживали в Петербурге. В 1867–1869 годах, за исключением Соболева, входили в нелегальный кружок «Сморгонь».

К ним примкнули студент Санкт-Петербургской медико-хирургической академии Дмитрий Волков, две нигилистки — Любовь Коведяева-Воронцова (училась в Императорском клиническом повивальном институте, основанном в 1797 году), Тимофеева (о ней практически ничего не известно), сын «Его превосходительства» Михаил Орфанов, находившийся под негласным надзором полиции. В коммуне состоял и сын вольноотпущенного крестьянина Федор Щербатов. Обитатели коммуны называли себя «сморгонцами» и гордились этой кличкой.

В снимаемой «сморгонцами» комнате, как писал Свешников: «...все они спали вповалку. ...На середине стола, на подносе, наполненном золою и угольями, стоял буквально черный самовар, около него блюдечки и стаканы с набросанными в них окурками, а весь стол был покрыт какой-то сальной грязью, тут же лежало на бумаге чухонское масло, рассыпанная четвертка табаку и куски хлеба, и все это было покрыто пылью. На диванах, на стульях, на полу разбросаны были разные вещи и книги, а в кухне весь пол был усыпан угольями»*.

Петербургский обер-полицмейстер сообщал Следственной комиссии, что среди лиц, посещавших собрания у Воскресенского, были еще Е. И. Засулич, старшая сестра В. И. Засулич, и проходившая по каракозовскому делу А. Н. Колачевская.

* Свешников, Н. Воспоминания пропадающего человека. — М., 1996. — С.39.

Но об истинных целях кружка «сморгонцев» правительство ничего не знало: в его рядах вынашивались планы освобождения из Сибири русского философа-материалиста, революционера-демократа, литературного критика, публициста и писателя Н. Г. Чернышевского. В 1869 году он находился в Александровском заводе Нерчинского округа.

Отец Михаил Орфанов случайно узнал о том, что старший сын не бывает дома, посещает какие-то собрания. И хотя сын был вне подозрений, Иван Иванович настоял, чтобы Михаил отправился к месту службы в... Восточную Сибирь и своими глазами увидел, что делает с людьми каторга.

Вот как об этом писал сам Михаил Орфанов: «В 1869 году я, еще юношей, 20-ти лет, по разным обстоятельствам, должен был бросить университет и самый Питер и удалиться куда-нибудь подальше. Случай сделал то, что, в июне того же года, я очутился в отвратительном городишке Чите, считающемся главным городом Забайкалья, в качестве помощника столоначальника областного правления. Содержание, присвоенное этой почтенной должности, настолько было скудно, что, прожив кое-как 4 месяца, с помощью остатков от прогонов и подъемных, я пришел в совершенное отчаяние: мудрено в городе, где зачастую свечи доходят до 1 рубля за фунт, прожить на 22 р. с копейками в месяц! Из дома, от отца, я ничего не получал; посторонних занятий — никаких. Кроме материальных невзгод, самый род занятий был не по душе, и долго, с полгода, я был в областном правлении, как в лесу; знания, какие я вынес, прослушавши 3 курса на юридическом факультете, оказались совершенно излишним балластом, так как о разных: «слушали», «приказали», «а потому, дабы повелено было», «входящих и исходящих» и т. п., царящих и до сих пор в забытой, дореформенной Сибири, я не имел ни малейшего понятия. Не могу, при этом, не вспомнить, как начальство, видя мое круглое невежество по канцелярской части, вздумало меня ознакомить с ней. Мне поручили составить «записку» из старого, огромного дела — «о наделении хоринских инородцев землею», состоявшего из 27-ми толстых томов, для чего освободили от хождения на службу, препроводив все дело ко мне на квартиру. Раскрываю первый том, и — о, ужас! он начинается указом Императора Павла I, написанным тогдашним почерком, на толстой, синей бумаге. Понятно, что разобраться в этом канцелярском лабиринте было мне не по силам, и я возвратил его обратно, не поняв из него ровно ничего»*.

Что скрывалось за выражением «по разным обстоятельствам», Михаил Орфанов умолчал. Иван Иванович, создавший эти «разные обстоятельства», на первый взгляд, поступил с сыном сурово. Должность у сына — не денежная: коллежский регистратор. Помощи отец ему никакой не оказывал. Сын жил на семьдесят три копейки в день! Было от чего прийти в отчаяние. Но Михаил не знал самого главного: следом за ним по государственной почте в Читу пришел формулярный список о службе коллежского регистратора из дворян Михаила Ивановича Орфанова. И в нем значилось, что под судом и следствием Михаил Орфанов никогда не был! «Каракозовский» эпизод был забыт властями или здесь постарался отец Михаила Орфанова? «Его превосходительство» И. И. Орфанов еще был вхож в высокие кабинеты и, видимо, мог устроить сыну чистоту служебного формуляра, хотя сделать это в те времена было очень сложно.

Чита стала местом первой сибирской службы его сына Михаила Орфанова, а Сибирь — настоящим «университетом жизни». Заглянем в формулярный список коллежского регистратора Михаила Орфанова, хранящийся сегодня в Государственном архиве Читинской области. С двенадцатого марта 1869 года Михаил Орфанов — помощник столоначальника Забайкальского областного правления.

* Орфанов, М. И. Первая командировка // Орфанов, М. И. В дали. — М., 1883. — С. 149–150.

По служебным делам он исколесил всю Восточную Сибирь. Побывал в Иркутске, Верхотенском округе, Чите, Верхнеудинске, Баргузине, снова в Чите, Нерчинске... За десять лет безупречной службы в формуляре М. И. Орфанова набирается почти полтора десятка перемещений: стряпчий, секретарь полицейского управления, смотритель типографии, редактор официальной части газеты «Забайкальские областные ведомости», чиновник по особым поручениям при управлении Нерчинскими каторжными рудниками...

На сибирской службе Михаил Орфанов оставался довольно долго и, как пишут об этом исследователи прошлого, «без принуждения». После смерти отца, последовавшей в 1876 году, сын мог бы сразу вернуться в Санкт-Петербург. Но он остался и продолжал исправно исполнять возложенные на него обязанности.

Что двигало Михаилом Орфановым, когда он отправлялся в поездки по самым глухим местам Восточной Сибири, особенно в места каторжных работ? Ведь само назначение в эти края в чиновничьей среде считалось неудачей или несчастьем. Представляется, что именно такие поездки по краю, наблюдения, встречи с людьми — чиновниками, приказчиками, ссыльными, каторжниками, ремесленниками — сыграли решающую роль при создании писателем очерков и рассказов о самых разных сторонах сибирской жизни.

Точно так же, как художнику Александру Сохачевскому, оказавшемуся после польского восстания 1863 года на время каторжником в Усолье, затем ссыльным в Иркутске, пережитые им события и наблюдения дали огромный материал для написания картин «На каторгу», «Заковывание в кандалы», «На этапе», «Прощание с Европой». На этих картинах он изображал ссыльных и сопровождавших их солдат, верно подметив, что все они находятся в одинаково сложном положении. Для ссыльных дорога на каторгу — наказание. Но не меньшие страдания выпадали и на долю солдат, следовавших в зной и стужу вместе с ними пешком по этапу.

Знакомство Михаила Орфанова с Сибирью началось в гостинице Иркутска, которая содержалась «политическим ссыльным». И «все прислуживавшие в ней, — вспоминал Орфанов, — начиная от буфетчика и кончая работником, который возит дрова, воду и проч. — политические ссыльные; нанимаете извозчика, он оказывается политическим преступником; заходите в колбасную, молочную, к портному, к сапожнику, словом, к любому ремесленнику и медному торговцу — все политические!»

Все эти «политические», как писал Михаил Орфанов, — жертвы последнего польского восстания. А другого обслуживающего город персонала здесь нет. Поначалу Михаил Орфанов, обращаясь к извозчику или лакею за самыми простыми вещами, чувствовал себя неловко и боялся обидеть их. Но когда он ближе узнавал этот невежественный и грубый народ, неловкость эта исчезала. Были, правда, и исключения: попадались ему и действительно образованные люди, с которыми приятно было проводить время. Но таковых было немного. Отдавая справедливость ссыльным полякам, Михаил Орфанов отмечал, что они захватили здесь все: они первенствуют в медицинской и адвокатской практике; в их руках магазины с готовым платьем, бельем, обувью и прочим ходовым товаром; рестораны и гостиницы, безусловно, польские; большинство служащих на золотых приисках, в коммерческих конторах, в банках — поляки. Но среди каторжников и ссыльных были представители и других наций — русские, евреи, инородцы. На долю первых выпало искать золото и добывать его, евреям оставили только два рода деятельности — винокурные заводы и скупку ворованного золота. Соперниками их в мелочной торговле являлись китайцы. Проложили свою дорогу в Восточную Сибирь и русские купцы, закупавшие на Нижегородской ярмарке товара на целый год, часто в кредит и на большие сроки, и зарабатывавшие по двадцать копеек с рубля, а то и гривенничек. А везли в этот богом забытый край все: железо и сталь с Урала, керосин из Баку, хлеб из южных европейских районов

России, сукно с фабрик Петербурга. В Забайкалье не было ни одного стеаринового завода, несмотря на обилие скота. «Была где-то за Байкалом какая-то несчастная суконная фабрика, да и та прекратилась!» — с горечью писал Орфанов. Чиновник по особым поручениям, которому в Сибири предоставлялась вся полнота судебной и исполнительной власти, редактор правительственной газеты видел, что иркутское купечество к общественным делам, к развитию новых предприятий относилось крайне безразлично. Купцу проще закупить большую партию чая у китайца и за один путь до Нижнего Новгорода, действуя по принципу: «Не обманешь — не продашь!», заработать больше десятка тысяч.

Такая торговля, вместо развития в крае благосостояния, прямо вела к его обеднению, отрывала от земли лучших работников, развращала их кажущимися громадными заработками, которые тут же пропивались. Михаил Орфанов в своих очерках и рассказах представал перед читателями знатоком сибирской жизни и ее нравов. До него никто так не писал о Сибири. Его первые рассказы «из вольной и невольной жизни» очаровывали редакторов газет и журналов. «Угрюм-река» Вячеслава Шишкова явится читателям позже, в 1928 году.

Собирал, накапливал Михаил Орфанов эти знания во время поездок по Восточной Сибири. О своей первой командировке он писал так: «...ревизии моей подлежали три обширные округа: Читинский, Нерчинский и Нерчинско-Заводской. По маршруту, выданному из областного правления, приходилось мне сделать что-то около 4000 верст, причем в предписании, между прочим, стояло, что поручение это должно было быть исполненным в месячный срок непременно».

Попробуй-ка не выполни задание — Михаилу Орфанову тут же напомнили, что его поездка на контроле у генерал-губернатора Восточной Сибири М. С. Корсакова. Советник областного правления, отвечавший за командировку Орфанова, дал ему простые наставления: «Прогоны и суточные вам выдадут, а вы можете с исправником и заседателями разъезжать по округу; не придется ни копейки платить, да и край посмотри».

Выслушав наставления, Михаил Орфанов отправился в командировку с проверкой сельских и станичных запасных хлебных магазинов. А их было ни много ни мало: свыше ста пятидесяти. При посещении первого же магазина в селе Успенском близ Нерчинска Михаил Орфанов понял, что ему за месяц проверить хотя бы одну волость: книга учета и отпуска старая, прошлогодняя, новой — нет, как пояснил вахтер, не знающий грамоты, из полиции еще не присылали. У смотрителя магазина, который ведет все счетоводство, свои правила учета — бирками.

Когда вахтер принес из сусека массу палочек, четвероугольных, различной длины, Михаил Орфанов, взяв одну из них, спросил: «Ну, что же ты по этой бирке скажешь?» Две ее стороны были покрыты множеством разнообразных зарубок, то в виде ряда палочек, то крестов, то букв, то звезд и т. д.

«Это вишь ты, бирка Гаврилы Трофимова, вишь, — показывал мне вахтер на первый знак, на конце палки, — он, еще лоньсь (т. е. прошлый год) брал три меры для посева, да вот четверть после, это на пищу, потому тогда у нас зяблого хлеба было довольно, а это вот в счет этой четверти он отдал две меры, да вот еще после меру...»

Когда Орфанов спросил вахтера, сколько же хлеба числится в магазине, тот, глядя на дверной косяк, изрезанный вырубками, тут же доложил: «Теперь хлеба в гомазеи нашей 234 меры, да за крестьянами 680; вот сколько у нас хлебушка, всего-навсе».

«Я находился, — писал Михаил Орфанов, — в глупейшем положении: перемеривать хлеб не имело смысла, так как, очевидно, вахтер, предвидя возможность этого, сказал сухую правду относительно наличности...»

Исправник, сопровождавший Орфанова в поездке, очень неглупый человек, но вполне «сибирский чиновник», по взгляду Михаила понял, что тот недоволен

результатами своей первой ревизии. «Да вы, я вижу, серьезно думали проверить магазины в трех округах за один месяц?..» — и, пригласив Михаила Орфанова к столу выпить и закусить, добавил, что утро вечера мудренее. Утром исправник рассказал о причине командировки, устроенной, как оказалось, самим губернатором М. С. Корсаковым, который таким образом оказал денежную помощь сыну «его превосходительства» И. И. Орфанова из Петербурга. Перед отъездом Михаил получил на законных основаниях двести рублей прогонных и суточных.

Исправник сопровождал Орфанова в поездке на Нерчинский завод, в Агинскую степную думу, Дарасун... По распоряжению исправника сведения о хлебных запасах и «Хлебные книги» из всех селений доставляли ревизору Михаилу Орфанову. Ему оставалось лишь написать: «Такого то числа, такой то, проверив наличное количество хлеба в магазине, с показанным в ведомостях, нашел наличность верною, в чем подписанием своим и свидетельствую NN». Сведения были самые достоверные, ибо никто из чиновников так в этом незаинтересован, как сам исправник, отмечал Михаил Орфанов.

Управившись за неделю с делами, Михаил Орфанов вернулся в Читу, где собирался честно рассказать члену областного правления, как прошла ревизия. Но тот, не выслушав Орфанова, спросил, какие сведения он привез, и, забрав их, отдал своим подчиненным. Они составили отчет и рапорт, Орфанов подписал их, не читая, и представил губернатору. А спустя неделю прочитал в «Забайкальских областных Ведомостях» приказ губернатора о том, что ему, М. И. Орфанову, объявлялась благодарность «за отлично и успешно выполненное важное поручение». Полученные Михаилом Орфановым двести рублей остались целыми и неизрасходованными. «Как видите, служить в Сибири не тяжело», — с юмором закончил Михаил Орфанов рассказ о своей первой командировке.

В этих воспоминаниях важно то, что Михаил Орфанов не только изображал известные ему негативные стороны сибирской жизни, но и искал позитивное, даже в чем-то героическое начало в быте сибирского чиновничества, ссыльных и каторжных. Через руки безукоризненно честного молодого Михаила Орфанова, каким его помнили в Забайкалье, прошло огромное количество людей: то был и крестьянин, и богач-золотопромышленник, и сибирский раздобревший купец, и обнищавший инородец, и несчастный колодник. В среде последних, прикрытых лохмотьями типах Михаилу Орфанову попадались смелые характеры, отважные натуры, искатели приключений. Все это впоследствии дало ему, как художнику слова, богатый материал для написания очерков и рассказов о сибирской жизни.

Чтобы понять масштабы этой деятельности, напомним, что в 1867 году, то есть за два года до приезда Михаила Орфанова в Читу, Правительствующий сенат издал указ о реорганизации полиции Сибири. На основании этого указа военный губернатор Забайкальской области издал постановление о преобразовании Читинского земского суда в Читинское окружное полицейское управление с непосредственным подчинением Забайкальскому областному управлению полиции в Иркутске. Забайкальскую область правительство разделило на три округа — Читинский, Верхнеудинский и Нерчинский. Читинский округ во времена Михаила Орфанова был разбит на два полицейских участка. Вспомним еще одну особенность, которую увидел Михаил Орфанов, — в Читинский округ отправляли на поселение ссыльных и каторжных. Отправляли их пешком по этапу со всей России. У этого поселения было одно общее название — Нерчинская каторга. Во второй половине XIX века в Забайкальской области насчитывалось четырнадцать тысяч ссыльных, в общих тюрьмах содержалось около пяти тысяч, а в каторжных — более двух тысяч заключенных. Приезд Михаила Орфанова в Читу в 1869 году совпал с учреждением управления Нерчинской каторги, подчиненной Министерству внутренних дел.

В течение десяти лет Михаил Орфанов служил судебным следователем и стряпчим. Сибирский публицист, писатель и общественный деятель второй половины XIX столетия Н. М. Ядринцев писал о М. И. Орфанове, что «перед ним была судьба людей, их счастье или несчастье. Он хорошо сознавал свой долг, старался внести правду, чем-нибудь смягчить окружающие жестокие отношения; но действительность была слишком сурова, обстановка слишком безотраднa, а жертвы случайностей являлись перед ним тысячами».

Изучая быт и нравы Забайкалья, Михаил Орфанов видел, что заседатели получали сверх жалованья с волостей известную «дань», а исправники получали по два, а то и по три рубля с каждого нанятого рабочего на прииск, наживали на этом целые состояния.

А «работы на приисках, без всякого преувеличения — каторжные и требуют, кроме недюжинной силы, еще нечеловеческой выносливости и необычайного здоровья, — писал Михаил Орфанов. — Всеми этими качествами обладают в достаточной степени наши крестьяне, и потому стоят в высокой цене на рынке человеческого труда».

И тут уж кто раньше, ранее других, доберется в облюбованную волость, когда цены еще не «напорчены» наплывом остальных нанимателей. А наниматель, в свою очередь, берет с хозяина прииска по восемь рублей за каждого рабочего. Местный же волостной старшина, волостной писарь хотят половину этих денег себе в карман положить.

«Иннокентий Иванович с жаром доказывал, что 3 р. с каждого рабочего совершенно достаточно им, и что ему самому вряд ли останется «рублишко», — рассказывал Михаил Орфанов, наблюдавший сцену найма рабочих: «Ты сам человек деловой, — говорил он писарю, — не даром же мне работать; если мне дать вам четыре, то выходит, что я дурака сломал, поехавши в Урлук; мне в Бичуре за два бы сделали!»

Купцы бесконтрольно властвовали в тайге и на приисках: они чувствовали себя монополистами, называли себя золотопромышленниками, приобретенное ими золото не сходило с картонных столов, возили водку в инородческий район, несмотря на запреты. Волостным чиновникам давали взятки, опутывали инородцев и крестьян такими контрактами, которым нет разрешения в своде законов, препровождали должников на прииски. Для приезжавших из Иркутска или Читы чиновников устраивали обеды с вином, шампанским, сигаретами, стерлядями... Стоимость обедов, даваемых купечеством разным влиятельным лицам Восточной Сибири, превышала тысячи. И называлось это сибирским хлебосольством. Но каждый при этом стремился урвать побольше, с тем чтобы вернуться к себе домой с капиталом.

В свою очередь, приезжающий в Иркутск или Читу народ, пишет Михаил Орфанов, «все денежный: у редкого нет на руках тысяч тридцати или сорока хозяйских денег, в которых он всегда сумеет отсчитаться, и потому, в это время, мы веселимся и кутим напропалую».

В своих рассуждениях публицист Н. М. Ядринцев приходит к выводу о том, что сибирская действительность с ее распущенностью и беззаконием сломила Михаила Орфанова. Но следует помнить о том, что Ядринцев, считавший, что что-то надорвалось внутри Орфанова, что ему становилось невыносимо тяжело, оттого что в окружавшей его среде нет правды, что все бессильно в этой несчастной стране, писал об этом с позиции публициста, жившего в XIX веке.

Горькая ирония над собственным донкихотством, добродушный юмор по поводу всяческих злоупотреблений — вот что, по мнению публициста, характеризует социальную и нравственную позицию Михаила Орфанова.

«При виде того, как кругом все наживалось, пиршествовало и ликовало, честному, полному юных стремлений чиновнику осталось опустить руки и придти в отчаяние, —

так объясняет эту драму Николай Ядринцев. — Как человек, изучивший все сцепления местной жизни, всю организацию зла, соблазн и суть злоупотреблений, художник не винил более уже никого. Никто не виноват! Он не винил уже более мелкого чиновника. Его отношения изменились, он добродушно смотрел в эту среду падения и, видя общие причины, не бичевал лиц, жертв местных условий, с добродушным юмором он относится к своим героям-исправникам, и только изредка у него срывается насмешливая улыбка и эпиграмма на счет их похождений. Эти эпиграммы и пародии остались памятниками в Восточной Сибири. Но вместе с тем в душе оставался какой-то горький осадок чего-то погибшего; это была похоронена вера в правду, в свои силы, поставлен могильный памятник над лучшими мечтами молодости и ее идеалами!»

Прошло более ста тридцати лет со дня публикации Н. М. Ядринцевым статьи «М. И. Орфанов и его пребывание в Сибири». Много изменилось за это время. Меняются и оценки творчества Михаила Орфанова. Перечитывая произведения писателя сегодня, литературоведы обращают внимание на то, что Михаил Орфанов нигде и никогда не отзывался со злобой и ненавистью о Сибири. Он вспоминал ее только добрым словом. Сибирь не сломила Михаила Орфанова. Оставив службу, он уехал в Петербург. Была еще жива его мать.

В семидесятых годах XX столетия исследователь из Омска В. М. Физиков работал в Ленинградском историческом архиве и обнаружил документ, проливающий свет на новые факты из жизни Михаила Орфанова: «Секретное прибавление к приказу по Петербургскому градоначальству и полиции 4 апреля 1880 г.». Из этого документа следовало, что в Петербург в числе прочих лиц прибывает отставной коллежский регистратор М. И. Орфанов, который находится под надзором полиции. К сожалению, из этого документа больше ничего не удалось узнать, что произошло с Михаилом Орфановым в те годы. Под надзор полиции Михаил Орфанов попал из-за нелепой случайности. При аресте революционера-народника Германа Лопатина полиция изъяла у него записную книжку и обнаружила в ней петербургский адрес Михаила Орфанова. Так писатель попал в поле зрения сыска, за ним была установлена слежка.

В столице Российской империи Михаил Орфанов был нежелательным жильцом: продолжал вращаться в народнических кругах. Он был лишен права жительства в Петербурге. И поэтому поселился в Москве, где занялся исключительно литературной работой. Начинал в «Русских ведомостях». Именно в этом издании появились первые рассказы Михаила Орфанова из сибирской жизни. Его литературная звезда взошла в 1881 году. Подписанные псевдонимом Мишла, они привлекли внимание читающей публики и критиков. В этих первых очерках и рассказах чувствовалось богатство жизненного материала, неизвестные им факты о быте и нравах Восточной Сибири. Михаил Орфанов предстал в них бывалым человеком.

В 1883 году у Михаила Орфанова вышла книга «В дали», после издания которой он испытал небывалый литературный триумф. Книга получила благоприятную оценку критики. Помимо Н. М. Ядринцева, на издание книги обратили внимание рецензенты известных российских журналов того времени, таких как «Вестник Европы», «Дело», «Русское богатство», «Русская мысль».

Правда, у цензора Московского цензурного комитета В. В. Назаревского было другое мнение о книге М. И. Орфанова. Автор представляет положение Восточной Сибири, писал цензор, «в безотрадном положении» и что «особенно мрачными чертами рисуются во второй части книги... положение ссыльных в Карийских рудниках». Цензор приходит к выводу о том, что «такое тенденциозное изложение дела не может не произвести на читателей мрачного и раздражающего впечатления».

В отличие от цензурного комитета, многие известные русские писатели того времени, с которыми жизнь свела Михаила Орфанова в «Русских ведомостях», поддержали его. Они отмечали простоту и правдивость рассказов писателя, взятых

«прямо из действительной жизни», как писал неизвестный рецензент журнала «Вестник Европы».

В том же 1883 году у Г. И. Успенского начало выходить восьмитомное собрание его сочинений, последний том которого был напечатан в 1886 году. Д. Н. Мамин-Сибиряк закончил работу над романом «Приваловские миллионы», В. А. Гиляровский напечатал свой первый рассказ «Обыкновенный случай», называвший время своей работы в «Русских ведомостях» счастливейшим. П. Д. Боборыкин годом раньше издал роман «Китай-город». С газетой в это время сотрудничал М. Е. Салтыков-Щедрин, напечатавший в 1881 году два сборника: «Невинные рассказы» и «Сатиры в прозе».

Рассказывая об обитателях четырехэтажного дома Олсуфьевых, который стоял в Москве на Тверской, напротив генерал-губернаторского дворца, Владимир Гиляровский вспоминал: «В эти годы самый большой номер, в две комнаты, занимал М. И. Орфанов-Мишля, бывший судебный следователь по должности, яркий народник-шестидесятник и автор «Сибирских рассказов», запрещенных для библиотек. Роста он был огромного, сложения богатырского, темная борода, в полгруды, по-видимому, никогда не ведала ножниц, а косматая грива подстригалась раз-два в год».

Ходил писатель в одной рубаше и в резиновых калошах на босу ногу. В номере у Михаила Орфанова (Мишля) стояли две кровати и диван вроде тургеневского «самосона», поперек которого могло в ряд улечься пятеро. И действительно, ночевали у Мишлы разные люди. Целый месяц жил бежавший из ссылки революционер-народник П. Г. Зайчневский. Не раз ночевали В. А. Гиляровский, Г. И. Успенский, автор книги «Год на севере», «стройный и красивый, с лицом, еще недавно обвеянным недавними полярными бурями Ледовитого океана», С. А. Приклонский, тоже печатавшийся в «Русских ведомостях». В 1883 году журнал «Дело» напечатал первую книгу Сергея Приклонского «Хроника рабочего труда в России».

Все перечисленные выше личности часто бывали у Михаила Орфанова, который любил у себя в номере устраивать чтения. Обычно он говорил Гиляровскому: «Сегодня в час приходите ко мне завтракать. Будут Нефедов, Приклонский и Глеб Ивановы. Он вчера приехал из Питера и сейчас еще спит у меня. Я хочу прочитать новый сибирский очерк. Ну так приходите, а я побегу к Генералову за закусками. Предупреждаю, водки не будет. Только пиво. Хочется серьезно прочитать».

Книга «В дали» не принесла Михаилу Орфанову материального благополучия. Писатель бедствовал, перебивался с хлеба на квас. Из частично сохранившейся переписки видно, что нужда следовала за ним по пятам.

«Я приготовил рассказ из Сибирских воспоминаний в 11/4 л. для журнала «Рус. мысль». Он должен был быть помещен в майской книжке, но за наплывом материалов из «Отеч. записок» отложен до осени, хотя был не только принят, но даже набран. Нашему брату-бедняку далеко не все равно, когда вещь поместится, и потому хотелось бы поместить ее скорей в другом месте, преимущественно в «Деле», так как получил приглашение от Станюковича работать у них», — писал Михаил Орфанов десятого мая 1884 года В. П. Острогорскому, редактировавшему после ареста К. М. Станюковича журнал «Дело».

Последним произведением Михаила Орфанова были очерки под общим заглавием «Сибирские колонизаторы», в которых он показал различные типы уголовных преступников и рассказал об их дальнейшей судьбе в условиях ссылки. Очерки печатались в десятом — одиннадцатом номерах журнала «Русская мысль» за 1884 год, когда их автора уже не было в живых. Михаил Орфанов умер четвертого сентября 1884 года, в Мариинской больнице для бедных. Ему было тридцать шесть лет, похоронен на Ваганьковском кладбище Москвы, рядом с писателями Александром Левитовым и Михаилом Вороновым — авторами книги «Московские норы и трущобы».

«Теперь о Левитове никто не знает, не помнит, а он был когда-то в первых рядах русской литературы и был не случайно, а с полным основанием...» — писал Иван Бунин. Но его слова можно отнести и к Михаилу Орфанову. За сто тридцать пять лет после его смерти из творческого наследия Михаила Орфанова в России не издано ни одной книги, не напечатано ни одного произведения. Но за истекшее время его очерки и рассказы не затерялись: опубликованные в разных журналах и газетах XIX столетия, они ждут своего издателя. Сегодня к ним обращаются исследователи, краеведы, все те, кто изучает прошлое Восточной Сибири.

III

Перечитывая переписку Михаила Орфанова с издателями российских газет, журналов, хотелось бы заострить внимание читателей на том, что ни одно из его обращений не было адресовано известному и влиятельному в России публицисту, редактору, владельцу знаменитой газеты «Новое время» А. С. Суворину. Ее первый номер вышел в 1876 году. Освещая героизм русских солдат и офицеров в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов, газета открыто выражала симпатии болгарскому восстанию 1876 года. К 1881 году газета набрала тираж тридцать пять тысяч экземпляров и была самым популярным изданием того времени.

К тому же, ежегодно А. С. Суворин печатал сотни наименований книг по научной, художественной и справочной тематике. Он издавал как дорогие библиофильские книги ограниченным тиражом, так и массовые. Огромным спросом у читателей пользовались книги общедоступных серий «Дешевая библиотека» русской и иностранной классики, «Научная дешевая библиотека». Практически в каждой образованной московской и петербургской семье были справочники «Весь Петербург», «Вся Москва», «Вся Россия», «Русский календарь», труды по истории России и другие издания. А. С. Суворин первым в России заключил договор с железными дорогами на продажу газет и книг в киосках на всех крупных станциях.

Почему Михаил Орфанов никогда не печатался в суворинских изданиях? Только лишь потому, что его политические симпатии остались теми же, что и в молодости? Только лишь потому, что его взгляды не совпадали со взглядами монархиста Суворина? Оказывается, нет. Ответ очень прост: дело в том, что Алексей Сергеевич Суворин был женат на родной сестре писателя Анне Ивановне Орфановой.

Суворин познакомился с Анной вскоре после трагической гибели его первой жены в 1874 году и отлично знал, что она происходила из рода талантливого, темпераментного и беспокойного, что ее отец Иван Иванович Орфанов сделал блистательную карьеру на медицинском поприще, что ее родной брат Михаил Иванович Орфанов служит где-то в Восточной Сибири. Он видел, что между братом и сестрой не было физического сходства, да и культура и нравы их были совершенно разные.

Суворин вступил в брак с Орфановой в январе 1877 года. Алексею Сергеевичу — сорок пять, Анне Ивановне — девятнадцать. Многие из окружения Суворина не одобряли этот, как они считали, фатальный, то есть роковой, шаг, дескать, недостатка в невестах у Алексея Сергеевича не было.

Отношения с Анной Орфановой — «веселой и богомольной, доброй, как хлеб, вспыльчивой, как порох, благодушной и капризной», как писал о ней русский прозаик, театральный критик А. В. Амфитеатров в парижской газете «Возрождение» за двадцать шестое апреля 1936 года, — складывались непросто. Еще в 1874 году при первом знакомстве Суворин обратил внимание на певческие способности Анны и советовал ей учиться в консерватории. Блестящая, изящная, светская, немного взбалмошная, она покорила сердца друзей Алексея Сергеевича своей энергией и

жаждой жизни. Она поддерживала отношения со многими русскими писателями, художниками и актерами. На знаменитых суворинских «четвергах» во дворце «Нового времени», Эртелев, 6, как писал А. В. Амфитеатров, «сбирались вокруг нее, сказать стихом Майкова, «послы, софисты и архонты, и артисты» — и все пред нею преклонялись, все окружали ее почтительно влюбленным обожанием». Она стремилась быть независимой, что не всегда приветствовалось российским обществом того времени. На эту манеру поведения Анны Ивановны Сувориной обращал внимание и А. П. Чехов.

«Две недели, прожитые у Суворина, прошли как единый миг, — писал Чехов беллетристу и драматургу И. Л. Леонтьеву (Щеглову). — Суворин в высшей степени искренний и общительный человек. Все, что говорил он мне, было очень интересно. Опыт у него громадный. Анна Ивановна угощала меня пощечинами, нравуочениями и шартрезом. Из всех женщин, которых я знаю, это единственная, имеющая свой собственный, самостоятельный взгляд на вещи. Она урожденная Орфанова, сестра литератора Мишлы Орфанова, чудеснейшего человека. Вся семья Орфановых прекрасна. Остальная публика у Суворина — теплые люди и не всегда скучные».

В одном из писем сестре Марии Павловне Чехов писал о Сувориной: «Она... мыслит не по-женски. Говорит много вздора, но если захочет говорить серьезно, то говорит умно и самостоятельно. Влюблена в Толстого по уши и поэтому всей душой не терпит современной литературы... Вообще человек она интересный, умный и хороший».

Между Анной Ивановной и Антоном Павловичем была долгая, хорошая дружба. Начало переписки Сувориной с Чеховым относится к 1889 году, а познакомились они двумя годами раньше, в 1887 году, в Петербурге. Первое из сохранившихся писем А. П. Чехова к А. И. Сувориной датируется 1896 годом. Известно двадцать одно письмо А. И. Сувориной к А. П. Чехову за 1889, 1890, 1893–1895, 1897, 1899, 1903 годы. Все они хранятся в Российской Государственной библиотеке в Москве, на Воздвиженке.

Чехов писал письма Сувориной из Италии и Франции. В первом же после поездки на Сахалин письме к А. С. Суворину от девятого декабря 1890 года он спрашивает: «Когда я увижу вас и Анну Ивановну? Что Анна Ивановна? Напишите подробнее обо всем, ибо я едва ли попаду к вам раньше праздников. Насте и Боре поклон; в доказательство, что я был на каторге, я, когда приеду к вам, брошусь на них с ножом и закричу диким голосом. Анне Ивановне я подожгу ее комнату, а бедному прокурору Косте буду проповедовать возмутительные идеи...»

Многим ли сегодня известно, что А. П. Чехов намерен был посвятить «Чайку» Анне Ивановне Сувориной?

«Я не забыл о том, что обещал Анне Ивановне посвятить «Чайку», — писал Чехов Суворину четвертого января 1897 года из Мелихова, — но воздержался от посвящения умышленно. С этой пьесой у меня связано одно из неприятнейших воспоминаний, она отвратительна мне, и посвящение ее не вяжется ни с чем и представляется мне просто бестактным».

Да и сама Анна Ивановна оставила об Антоне Павловиче теплые воспоминания: «Как Григорович и муж мой, я тоже поддалась обаянию Чехова. Первое мое чувство... было, что он должен походить на одного из любимых моих героев — на Базарова. Так почему-то мне представилось. Чехов был высокого роста, тонкий, очень стройный, с темно-русскими волнистыми волосами, серыми... смеющимися глазами и с привлекательной улыбкою. Он говорил приятным мягким голосом и чуть-чуть улыбался, когда обращался к тому, с кем вел беседу... Мы с Чеховым быстро подружились, никогда не ссорились, спорили же часто и чуть не до слез, — я по крайней мере. Муж мой прямо обожал его, точно Антон Павлович околдовал его...»

Кто кого околдовал, тут можно поспорить. Но одно точно: именно Суворин уговорил Чехова издавать свои произведения под собственными именем и фамилией, забыв навсегда про Антошу Чехонте. Суворин открыл Чехова читателям, а Чехову открыл двери в большой литературный мир.

В своем творчестве Чехов эксплуатировал образ своего покровителя, и не только его. Анна Ивановна писала Чехову, как она любила смеяться, когда смотрела «Дядю Ваню», потому что узнавала в этих сценах из деревенской жизни всех «своих». Да и всему суворинскому кругу было ясно, что в «Дяде Ване» угрюмый старик отставной профессор Серебряков, нагрубивший скучающей молодой двадцатисемилетней жене Елене, похож на Суворина, а Елена — копия Анны Сувориной (Орфановой).

Смерть молодого режиссера Треплева в комедии «Чайка» сильно расстроила Суворина: она напомнила ему гибель его сына Володи. Даже Трезор — собака Нины Заречной — носит кличку любимой собаки Сувориных.

Несколько строк об Анне Орфановой находим в дневнике писательницы С. И. Смирновой-Сазоновой, жены известного актера Александринского театра Н. Ф. Сазонова: «Недавно пришла к [Суворину] какая-то барыня, — по облику и по всем манерам нигилистка, — просить работы. Суворин теперь барынь боится; он думает, что которая-нибудь из них застрелит его, как Трепова... Суворин не посмел отказать, дал ей переписывать свои книги, которые уже давно были переписаны... Ее [Анны Ивановны Сувориной (Орфановой)] мечта поступить на сцену».

О Сувориной писал Ф. М. Достоевский. Федор Михайлович встречался с Анной Ивановной на Пушкинском празднике в Москве в начале июня 1880 года. Он упоминает об этой встрече в письмах к жене Анне Григорьевне Сниткиной.

Встреча с А. И. Сувориной (Орфановой) вдохновила живописца и рисовальщика «Нового времени» Н. И. Кравченко на создание ее портрета. Правда, работа эта осталась незавершенной. Анна Ивановна перестала позировать художнику, но он все же успел написать ее глаза. Художник превратил ее портрет в этюд «Дама с голубыми глазами».

Анна Ивановна прожила долгую жизнь. Почти на четверть века она пережила своего знаменитого супруга А. С. Суворина. Алексей Сергеевич умер в 1912 году, оставив Анне Ивановне издательство и четырехмиллионное состояние. К тому времени из детей Суворина от первого брака в живых оставались сыновья Михаил Алексеевич Суворин 1860 года рождения и Алексей Алексеевич Суворин 1862 года рождения. После смерти мужа Суворина тоже стала, наравне с Михаилом и Алексеем, наследницей его авторских и издательских прав. Анна Ивановна продолжила дело Алексея Сергеевича, но от него вскоре ничего не осталось. На следующий день после Октябрьской революции двадцать шестого октября (восьмого ноября) 1917 года большевики закрыли газету «Новое время». Предприятие Суворина большевики национализировали, и на основе Акционерного общества «Новое время» (после смерти Суворина оно действовало под контролем Волжско-Камского коммерческого банка) были заложены структуры советского книгоиздательства. «Ограбленная дочиста большевиками», как писал о ее материальном положении А. В. Амфитеатров, она находилась «в горькой нужде». В 1920 году ее еще можно было видеть на петроградской барахолке, на которой она продавала единственную ценную, уцелевшую от некогда былого богатства и великолепия, вещь — портрет А. С. Суворина работы художника К. Е. Маковского.

О том, как сложилась судьба вдовы и детей А. С. Суворина в эмиграции, известно немного. Анна Ивановна Суворина, сестра народника М. И. Орфанова, умерла двадцать третьего марта 1936 года в страшной нужде в парижском госпитале «Божон» в возрасте семидесяти восьми лет, похоронена на кладбище в Нейи на средства, собранные среди эмигрантов по подписке.

Старший сын от первого брака Михаил Алексеевич Суворин эмигрировал в 1920 году, жил в Белграде. С двадцать второго апреля 1921 года издавал монархическую газету «Новое время». Последний номер вышел тридцатого апреля 1930 года. Скончался семнадцатого августа 1936 года, на семьдесят восьмом году жизни, похоронен в Белграде на Новом кладбище.

Младший сын от первого брака Алексей Алексеевич Суворин жил в Париже, производил над собой опыты, чтобы доказать, что человек может длительное время обходиться без пищи. В конце концов отравился в отеле светильным газом. Умер семнадцатого декабря 1937 года, на семьдесят шестом году жизни, похоронен в Париже.

Третий сын издателя Борис Алексеевич Суворин — от второго брака — участвовал в антибольшевистских организациях. В Гражданскую войну оказался в 1-м Кубанском походе, издавал печатный листок. В 1918 году при поддержке генерала Б. А. Алексеева возродил газету «Вечернее время» в Новочеркасске, позже — в Ростове-на-Дону, а с продвижением Добровольческой армии на север — в Харькове и Курске. В 1920 году Борис Алексеевич после кратковременного пребывания в Новороссийске перенес издание газеты «Вечернее время» в Феодосию и одновременно основал в Симферополе газету «Время». В середине того же года генерал Врангель командировал Бориса Суворина в Париж для связи с французскими газетами.

Находясь в эмиграции, Борис Алексеевич в 1924 году возродил «Вечернее время» в Париже, но из-за материальных трудностей газета вскоре закрылась. Некоторое время Б. А. Суворин редактировал вместе с А. И. Филипповым «Русское время», одновременно сотрудничал с «Энтрансжан», «Фигаро», «Ревю де Монд» и «Возрождением». В 1926 году Борис Алексеевич отправился на Дальний Восток. Жил в Шанхае, где редактировал «Шанхайскую зарю» и «Время», затем переехал в Харбин, редактировал «Русское слово». Однако его пребывание на Дальнем Востоке было недолгим, и он снова вернулся во Францию. А в 1938 году по настоянию левого французского правительства пятеро русских, в их числе и Б. А. Суворин, были высланы из Франции. Б. А. Суворин избрал местом своего жительства Белград, где был сотрудником журнала «Часовой». Умер восемнадцатого января 1940 года в возрасте шестидесяти одного года, похоронен на местном кладбище.

Дочь издателя Анастасия Алексеевна Суворина от второго брака (по мужу — Мясоедова-Иванова) стала актрисой (сценический псевдоним — Астра Суворина). Автор нескольких пьес, книги очерков. Переписывалась с А. П. Чеховым. Владелица Театра литературно-художественного общества на Фонтанке, 65 в Петрограде, более известного как Театр Суворина. Театр просуществовал с 1895 по 1917 год. Сегодня в этом здании работает Большой Драматический театр им. Г. Товстоногова. В двадцатых годах Анастасия Суворина снялась в первых советских фильмах «Пегая телка», «За монастырской стеной», «Плотина прорвана». А. А. Суворина умерла в 1930 году пятидесяти трех лет от роду в Нью-Йорке.

Что же касается судьбы дома А. С. Суворина, то после революции в нем располагался торговый техникум, а в годы войны — госпиталь. Занятия в техникуме возобновились после снятия блокады в 1944 году. Многие выпускники погибли, среди них — Герой Советского Союза Ф. В. Марин, памятник которому установлен в Львовской области, там, где он погиб в первый же день войны. О нем и других героях — педагогах и студентах — рассказывают материалы музея, открытого в 1988 году. К сожалению, сегодня ничто не напоминает о прежних обитателях дома — ни о крупнейшем российском издателе А. С. Суворине, ни о его родных, ни о посещавших его современниках. Правда, память одного из современников Суворина сохранена: в 1923 году Эртелев переулок был переименован в улицу Чехова.

Другая дочь штаб-лекаря И. И. Орфанова — Софья Ивановна Орфанова (Мамышева) — была замужем дважды. О ее первом замужестве известно, что у нее от этого брака была дочь Вера. Второй раз Софья Ивановна вышла замуж за Василия Семеновича Мамышева, судебного следователя в Звенигороде.

Мамышев, женившись на Софье Ивановне Орфановой, удочерил ее дочь Веру. По всем найденным источникам она числится как Вера Васильевна Мамышева, приемная дочь В. С. Мамышева. Но ни года рождения Веры Васильевны, как и года рождения ее матери Софьи Ивановны и приемного отца Василия Семеновича, установить не удалось. О Софье Ивановне, младшей сестре Анны Ивановны Сувориной (Орфановой), вообще мало что известно.

Обращает на себя внимание письмо А. П. Чехова от семнадцатого января 1887 года брату Александру Чехову: «...Видал Сувориху? На праздниках у меня был с визитом муж ее сестры. Поневоле пришлось отдать визит и познакомиться с ее сестрой и маменькой». Итак, в 1887 году Чехов, познакомившись с молодой женой издателя Суворина, знакомится и с мужем ее сестры Василием Мамышевым, затем с ее сестрой Софьей Мамышевой и ее матерью Софьей Ивановной Орфановой.

В собрании писем Чехова имя Мамышева упоминается на протяжении 1888, 1889 и 1890 годов. В примечаниях к письмам указывается: «Мамышев Василий Семенович, судебный следователь в Звенигороде, муж сестры А. И. Сувориной Софьи Ивановны Орфановой».

Имя судебного следователя В. Мамышева есть в «Памятной книжке Московской губернии за 1890 год». Судя по письму Чехова Суворину от двадцатого февраля 1890 года, можно сделать вывод о том, что Мамышев в то время жил в Волоколамске. А в 1895 году Мамышев числился в Верейском уезде членом окружного суда. Вспомним, что А. С. Пушкин, скорее всего не случайно, наделил князя, соседа русского барина Кирилы Петровича Троекурова из романа «Дубровский», фамилией Верейский. В составе Московской губернии Верейский уезд с центром в городе Верея просуществовал до 1922 года. Окружной суд Верейского уезда «прославился» громкими делами. Одно из них оказалось в центре внимания Чехова.

Летом 1884 года, то есть за три года до знакомства с Мамышевым, Чехов приехал в Звенигород. На время отпуска он заменил доктора Успенского. Лето выдалось дождливое. Вечерами тоскливо. Днем Антон Павлович принимал больных, а вечерами работал над романом «Драма на охоте»: писал, затем правил рукопись, переписывал набело.

По воспоминаниям современников, Чехов отдал роман издателю газеты «Новости дня» А. Липскерову, когда работа над ним была полностью завершена.

«Новости дня» выходили в Москве ежедневно. В газете печатались новости общественно-политической и литературной жизни столицы России. Лидирующее место в ней, по замыслу издателя, должны были занимать судебные истории, фельетоны, телеграммы. На практике же получилось, что четверть газетных площадей в «Новостях дня» отводилась публикациям повестей и романов «с продолжением».

«Новости дня» начали печатать «Драму на охоте» четвертого августа 1884 года. Она шла один раз в неделю. В 1884 году было двадцать публикаций, в 1885 году — двенадцать. Редакция завершила печатание романа восемнадцатого марта 1885 года, в последнем номере без подписи, во всех остальных номерах за подписью А. Чехонте.

Младший брат писателя Михаил Чехов вспоминал, что за печатание романа редакция обязалась выплачивать Антону Павловичу три рубля в неделю. Но гонорар за роман, печатавшийся в «Новостях дня», редакция задерживала и подолгу его не

выплачивала. «Бывало, придешь в редакцию, ждешь-ждешь, когда газетчики принесут выручку», — писал Михаил Чехов.

Опубликовав «Драму на охоте» в газете, Чехов никогда к ней не возвращался и не писал о ней. «Драма на охоте» имела газетный подзаголовок «Из записок судебного следователя» и напоминала уголовный роман. Сегодня роман печатают с подзаголовком «Истинное происшествие».

В романе идет речь от первого лица — от редактора, к которому попадает рукопись судебного следователя Ивана Петровича Камышева. Автор, называющий себя в рукописи Сергеем Петровичем Зиновьевым, по мнению редактора, изобличает сам себя. Редактор, на основе своих умозаключений, приходит к выводу о том, что преступление совершил автор рукописи, а на каторгу отправлен невиновный человек.

В конце 1885 года двадцатипятилетний Чехов приедет в Петербург и познакомится с издателем А. С. Сувориным. При знакомстве с семейством Алексея Сергеевича выяснится невероятное: оказывается, у Суворина есть родственник по фамилии Мамышев. Пройдет еще два года после публикации последней части романа, и к Чехову придет... судебный следователь Мамышев. Но еще раньше в январе 1886 года в письме брату Александру он напишет: «...Не употребляй в рассказах фамилий и имен своих знакомых. Это некрасиво: фамильярно, да и тогда знакомые теряют уважение к печатному слову».

Может быть, поэтому Чехов не вспоминал «Драму на охоте». В полном собрании сочинений писателя нет никаких комментариев, нет ссылок на воспоминания о романе. Лишь однажды в письме Суворину от двадцать восьмого октября 1889 года Чехов напишет: «...Был у меня В. С. Мамышев, звенигородский Лекок. Он сильно похудел, постарел и как-то согнулся».

Откроем «Драму на охоте» и сравним письмо графа Карнеева судебному следователю Камышеву: «Милый мой Лекок! Если ты еще жив, здравствуешь и еще не забыл своего всепьянейшего друга, то, ни минуты не медля, облачайся в свои одежды и мчись ко мне».

Вот так неожиданно переплелись судьбы Орфановых с судьбами многих известных людей России, с русской историей и литературой, о главных лицах из семейства которых в «Русском биографическом словаре» 1905 года издания содержится всего лишь по два десятка строк.